

что в двустипии какие-то элементы были общими и для первого, и для второго стихов. Эти общие элементы (флексии, предлоги, иногда значимые слова) исключались из обоих стихов и писались особо — посредине, так что двустипии становилось зигзагообразным. Это и есть «серпантинный», «змеиный» стих, который известен также под названием «симфонический» (в поэтиках его относили либо в курьезный, либо в эпиграмматический разделы):

Едино богу в Трои
 му цы
Славимо в едини

Рукопись Евстратия побывала в руках какого-то поляка, может быть пленника, которых так много оставалось в России после воцарения Михаила Романова. Этот читатель вымарал «змеиные» стихи и приписал следующую язвительную фразу: «Co widzisz, to brydzisz, moskalu, grubianine, chłorie, prostaku» (смысл ее — «то, что видишь — бредни, москаль, грубиян, мужик, невежа»)⁶. Гнев поляка, конечно, возбудило не то, что православный писатель начал свой труд православной молитвой. Его раздражила курьезная эпиграмма: он думал, что только поляки могут сочинять в этом жанре. Это вмешательство удостоверяет, что факт иноземного влияния представлялся несомненным и читателю начала XVII в.

Те же два фактора — «давление прозы» и западное воздействие — можно видеть и в «Виршах на баснослагателя Эзопа», написанных Федором Касьяновым Гозвинским (он перевел басни Эзопа в Москве в 1607 г.)⁷. Эти вирши представляют собой «предисловие к читателю» — жанр на Руси столь же широко распространенный, как и литературная молитва. Отличие от Евстратия состоит в том, что Гозвинский, выходец из Польши или юго-западной Руси, свободно владел мерной речью. Стихотворное предисловие было для него обычным делом. Он, конечно, не ориентировался сознательно на аналогичный прозаический жанр. «Давление прозы» в данном случае — явление, связанное скорее с читательским восприятием, чем с авторской задачей. Тем не менее учитывать его необходимо, потому что оно препятствовало разрыву генологической традиции.

Летом 1609 г. Гозвинский закончил перевод «Тропника» папы Иннокентия, снабдив его такой «моноримичной записью... далекой от традиционно полагавшегося смирения или самоуничижения»:

В премудростех славимый
И в разуме хвалимый,
Честностию же чести честно почитаемый,
Во своих бо сих делех художно познаваемый,
Понеже трудолюбно подвигаемый
И усердно совершаемый,
Богом же самом наставляемый —
Феодор Касиянов, сын Гозвинский,
Греческих слов и польских переводчик.⁸

Этот фрагмент напоминает типичную для древнерусской литературы авторскую или писцовую помету. Виршами того же жанра заключается

⁶ См.: ГПБ, Q.XVI.21, л. 1. Фотография этого листа приложена к статье О. А. Белобровой.

⁷ Р. Б. Тарковский. Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа. — Вестник Ленинградского университета, № 14. Серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1966, стр. 106.

⁸ Там же, стр. 105 (по списку БАН, 33.20.10, л. 129 об.).